

УДК 339.92, 339.97, 339.98

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

© 2016 г. **Е.А. Звонова, А.В. Кузнецов***

Статья поступила в редакцию 25.08.2015.

Авторы анализируют мотивы участия США в трансатлантической интеграции, рассматривают потенциальные возможности и риски либерализации евроатлантического сотрудничества, в частности, в сфере финансовых услуг. В статье обоснованы преимущества нахождения России вне трансатлантической зоны свободной торговли.

Ключевые слова: либерализация, глобальные институты, кризис ВТО, мультирегиональные торговые соглашения, новый мировой порядок, сотрудничество в сфере финансовых услуг, риски трансатлантической интеграции, экономические войны, Евразийский экономический союз.

Дерегуляция и либерализация мировой торговли способствовали значительному повышению мирового благосостояния. Развитие интеграционных процессов в континентальной Европе и стремительный экономический рост в Азиатско-Тихоокеанском регионе привели к формированию новых глобальных игроков, претендующих на получение паритетных выгод от своего участия в процессах глобализации, адекватных их возрастающему экономическому потенциалу. Однако созданные после Второй мировой войны институты по регулированию международного взаимодействия в торговой, денежно-кредитной и финансовой сферах ущемляют интересы новых экономических центров, неукоснительно обеспечивая привилегированное положение США в мировой экономике и мировых финансах. Посредством создания межконтинентальных торговых партнёрств с Европой и Азией США пытаются сохранить свой политический и экономический вес в мире и не допустить глобального распространения институтов и систем ценностей, исходящих от конкурирующих торгово-экономических блоков, формирующихся, прежде всего, вокруг Германии, Китая и России и представляющих альтернативу действующей под эгидой США моноцентричной модели мироустройства.

*ЗВОНОВА Елена Анатольевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой «Мировые финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, Российская Федерация 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49 (mirfin@fa.ru); КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировые финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, Российская Федерация 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49 (kuznetsov0572@mail.ru).

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-02-00669.

Кризис многосторонней торговой системы

Послевоенный период характеризовался стремительным развитием мировой торговли. В течение 1948–2013 гг. объём мирового экспорта товаров увеличился с 59 млрд. долл. до 18,3 трлн. долл. (а вместе с экспортом услуг до 23 трлн. долл.). В 1950–1973 гг. среднегодовые темпы роста международной торговли составляли 8,2%. Основным фактором, способствующим такой позитивной динамике, стало заключение в октябре 1947 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), в подписании которого приняло участие 23 страны во главе с США. В 1995 г. ГАТТ трансформировалось в полноценную международную организацию ВТО, членами которой сегодня является 161 государство. Под давлением США на протяжении восьми раундов переговоров в рамках ГАТТ/ВТО происходило последовательное снижение тарифов, уровень которых в развитых странах за полвека снизился с 40% до приблизительно 3%. Однако в результате незавершённого девятого раунда переговоров в Дохе (2001 г., Катар) движение вперед приостановилось. Нежелание стран – членов ВТО связывать себя обязательствами по новому согласованному снижению тарифов вызвано всё большей непредсказуемостью мировой экономической и финансовой конъюнктуры в условиях эскалации глобального системного кризиса и усиливающейся поляризации между развитыми и развивающимися странами (в том числе и в единой Европе, которая раскололась на богатый Север и бедный Юг).

Экономическая мощь Азиатско-Тихоокеанской экономики с возрастающей ролью Китая бросила вызов установившейся после Второй мировой войны системе международных институтов, находящихся под контролем США [24, р. 7]. Учреждение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций АБИИ (*Asian Infrastructure Investment Bank*) и других институтов, основная доля в финансировании которых принадлежит Китаю, создаёт предпосылки для реального пересмотра Вашингтонского консенсуса и перехода в XXI веке к качественно новой организации мирового экономического и финансового порядка.

Другим полюсом концентрации экономической силы, вызывающим беспокойство США, выступает Европейский Союз, представляющий собой крупнейший в глобальной экономике общий рынок с точки зрения покупательной способности. В отличие от США ЕС – это экономическое объединение суверенных государств, что служит источником глубоких дисбалансов в проведении европейской региональной политики. Однако, несмотря на нынешние проблемы развития, ЕС последовательно расширяет круг своих членов и стремится в будущем достичь полной политической и экономической гомогенности.

Подобная политика идёт вразрез с текущими позициями США как глобального политического и экономического гегемона. Для сохранения своего влияния в мире США ставят целью, с одной стороны, не допустить насаждения китаецентристского порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). С другой стороны, Соединённые Штаты стараются сохранить контроль над единой Европой, осуществляемый ими с момента начала европейских интеграционных процессов в 1950-х годах. Инструментами реализации этих двух стратегических задач выступают амбициозные мультирегionalesкие (межконтинентальные) соглашения о свободной торговле, которые в ближайшем буду-

щем США намереваются заключить с ЕС и странами Тихоокеанского региона. В отличие от устаревающей политики ВТО, эти соглашения призваны стать образцом ультрасовременных торговых отношений нового поколения, так называемыми «договорами двадцать первого века». Предполагается, что они должны способствовать не только уменьшению тарифных барьеров, но и снижению (упразднению) нетарифных барьеров, а также включать в себя гармонизацию международных норм и стандартов в таких чувствительных для национального регулирования сферах, как инвестиционная и конкурентная политика, права интеллектуальной собственности, деятельность государственных предприятий, а также механизмы разрешения коммерческих споров.

Россия официально не приглашена к участию ни в одном из обсуждаемых под контролем США мультитерриториальных соглашений. Такое отношение понятно. Ведь США рассматривают Россию не только как основного потенциального конкурента в энергетической сфере и военно-промышленном комплексе, но и как своего главного идеологического противника. Созданный Америкой во время «холодной войны» образ России как «империи зла» поддерживается и поныне, несмотря на смену российского политического режима. Это указывает, в частности, на то, что американцам так и не удалось найти более действенных инструментов воздействия на Москву. Россия в гораздо меньшей степени зависит от США, чем Европа и Китай, промышленный, корпоративный и финансовый секторы которых в значительной мере завязаны на американские рынки. Выступая ядром евразийской цивилизации, Россия имеет гораздо больше общего с консервативной солидаристско-корпоративной системой Европы и патриархально-коллективистскими устоями Азии, нежели с либерально-инновационной, индивидуалистически-конкурентной англосаксонской моделью. Поэтому создание мультитерриториальных торгово-экономических блоков под эгидой США следует также рассматривать как попытку противодействия консолидации стран Европы и Азии вокруг России в рамках уже начавшего свою работу Евразийского экономического союза. Одним из инструментов геополитического сдерживания России должно послужить Трансатлантическое партнёрство [4, с. 70].

Следует отметить, что формирование мультитерриториальных торгово-инвестиционных блоков – широко распространённая современная тенденция. В целом в переговорах по заключению мульти- и мегатерриториальных торговых соглашений сегодня участвуют около 90 стран [26, р. 107]. Аналогично США, ЕС также активно расширяет круг своих стратегических торговых альянсов. Так, в августе 2014 г. ЕС завершил переговоры по заключению Всестороннего экономического и торгового соглашения с Канадой (*Comprehensive Economic and Trade Agreement – CETA*), которое в случае успешной ратификации может вступить в силу уже в 2016 г. ЕС также ведёт переговоры о создании зоны свободной торговли с Индией (с 2007 г.) и Японией (с 2013 г.). В свою очередь, в Азии с 2012 г. ведутся переговоры по подписанию соглашения о Региональном всеобъемлющем экономическом партнёрстве (*Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP*) между странами АСЕАН, с одной стороны, и Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией – с другой, а также идёт активное обсуждение создания ряда других форматов регионального торгового сотрудничества под эгидой Китая. Мультитерриториаль-

ные торговые соглашения – это естественная реакция стран на неэффективность деятельности ВТО, а также смещение центра мирового устройства с Запада на Восток.

Трансатлантическое торговое партнёрство

Учитывая значительные размеры внутреннего рынка и относительную удалённость США от других мировых экономических центров, вплоть до Второй мировой войны внешняя торговля не играла ключевой роли в экономическом развитии страны. Однако по мере либерализации международной торговли и переноса солидной доли американского производства за рубеж значение внешнего сектора для США выросло с 10% ВВП в 1960 г. до 30% ВВП в 2014 г. Только двусторонний торговый оборот товарами между США и Китаем составил в 2014 г. 592 млрд. долларов.

Масштабные и глубокие евроатлантические торговые и инвестиционные взаимосвязи уходят корнями во времена колониальной эпохи. Сегодня США и ЕС выступают по отношению друг к другу крупнейшими торговыми партнёрами по размеру товарооборота (701,7 млрд. долл. в 2014 г.). Более половины зарубежных инвестиций американских ТНК сконцентрировано в Европе. В свою очередь, треть европейских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) вложена в экономику США. Средние тарифные барьеры во взаимной торговле уже достаточно низкие (на уровне 3–4%). Вместе с тем, учитывая размеры торговли, даже небольшое снижение их ставки может привести к значительным прибылям в отдельных секторах. Для достижения этого дополнительного эффекта двустороннего сотрудничества на саммите «Большой восьмёрки», который проходил в Северной Ирландии в июне 2013 г., США и ЕС объявили о намерении заключить соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве – ТТИП (*Transatlantic Trade and Investment Partnership*). После принятия такого решения было проведено уже 10 раундов переговоров, что свидетельствует о сложности достижения согласия по отдельным его положениям [21]. По итогам саммита «Большой семёрки» (G7), проходившего 7–8 июня 2015 г. в Германии, лидеры G7 заявили о намерениях немедленно ускорить работу по всем неразрешённым вопросам ТТИП с тем, чтобы до конца 2015 г. завершить основные договорённости по подписанию этого соглашения [18].

На сайте Европейской Комиссии подчёркивается, что в первую очередь ТТИП – это договор экономического характера, имеющий целью добиться соглашения в трёх областях трансатлантического экономического взаимодействия:

- обеспечение доступа к рынкам путём упразднения таможенных пошлин (правил происхождения) в торговле товарами и снятия ограничений в торговле услугами, а также получение более широкого доступа частных компаний к государственным заказам и облегчение инвестиционной деятельности;
- упразднение, где это возможно, нетарифных барьеров, достижение наилучшей регуляторной практики путём демонтажа административных и бюрократических препон для сотрудничества;

- гармонизация международных норм и стандартов в сферах инвестиционной политики, прав интеллектуальной собственности, промышленной политики и деятельности государственных предприятий [23].

Таким образом, ТТИП выходит далеко за рамки регуляторной практики ВТО и представляет собой амбициозную попытку создания договора нового поколения, который призван сохранить за США статус-кво мирового политического и экономического гегемона в условиях ужесточающейся глобальной конкуренции. Вместе с тем, подписание соглашения ТТИП может поставить США и ЕС в привилегированное положение в отношении третьих стран и означать фактическое нарушение ими своих обязательств по участию в механизмах многосторонней системы регулирования торговли, действующих в рамках ВТО [19, р. 2].

Значительное увеличение прибылей, в частности, ожидается вследствие либерализации трансатлантической торговли услугами. Большинство рабочих мест в США и ЕС создано в секторе услуг, на который в ВВП обоих партнёров приходится около 70%. В отличие от торговли товарами, США имеют положительный баланс торговли услугами с остальным миром и обладают наиболее высокой глобальной конкурентоспособностью в сферах финансовых услуг и информационных технологий. ЕС для США – наиболее важный партнёр в торговле услугами. Его доля в экспорте услуг США составляет около 31% и это соотношение приблизительно одинаково во всех пятидесяти штатах [6, р. 2]. Наиболее активно трансатлантическая торговля развивается в сферах финансовых и компьютерных услуг, телекоммуникаций, сетевой промышленности, рекламы. Вместе с тем, на защищённые секторы услуг, такие как поставки электроэнергии, транспорт, профессиональные услуги бизнесу, приходится около 20% совокупного ВВП США и ЕС. Либерализация этих секторов в рамках трансатлантического партнёрства открывает большие возможности для европейских и американских ТНК [16, р. 6]. Особый интерес представляют для них положения договора по обеспечению доступа иностранных компаний к участию в тендерах на покупку товаров и услуг в рамках государственных заказов. Хотя в США федеральное законодательство ограничивает участие иностранных компаний в тендерах, в будущем ситуация может измениться. Прецедент был создан Договором о зоне свободной торговли между ЕС и Канадой, согласно которому все субфедеральные уровни власти (провинции) в Канаде обязались на двусторонней основе открыть европейцам свои рынки государственных закупок, что может быть взято на вооружение также и в рамках ТТИП [7, р. 310].

Трансатлантическое сотрудничество в сфере финансовых услуг

Финансовый кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал глубокую взаимосвязь национальных экономик и их подверженность рискам глобального финансового рынка. С участием американских и европейских официальных лиц под эгидой «Группы 20» был инициирован комплекс мер, направленных на стабилизацию международной финансовой системы. Введение единых стандартов регулирования требований достаточности капитала и ликвидности для

банков, производных финансовых инструментов и финансовой отчётности могло бы усилить интеграцию трансатлантического рынка, обеспечив бóльшую регуляторную стабильность. Однако реализация этих мер пока не стала предметом переговоров ТТИП вследствие того, что включение в их повестку вопросов, касающихся регулирования рынков финансовых услуг, было заблокировано Вашингтоном. Американская сторона аргументирует свою позицию тем, что в США опасаются ослабления эффективности действия Закона Додда – Франка, принятого в 2010 г. с целью проведения всеобъемлющей реформы американского финансового рынка. Европейцы, которые до сих пор выступали за включение в ТТИП положений о регулировании финансового сектора, не устояли под нажимом США и в 2014 г. сняли этот вопрос с повестки дня [15]. В официальных документах Европейской Комиссии отказ ЕС от ведения переговоров по регулированию финансового сектора зафиксирован следующим образом: «Целью предложения ЕС является не вести переговоры в рамках ТТИП по существу международных стандартов, по вопросам текущей реализации этих стандартов или по другим вопросам текущей регулятивной реформы (например, касающихся правила Волкера или правил по иностранным банковским организациям), имплементация которых происходит в настоящее время. Дискуссии по этим предметам могут продолжаться параллельно, но за рамками переговоров ТТИП» [9].

Следует отметить, что сегменты американского финансового рынка более интегрированы по сравнению с европейским рынком и опираются на сильные федеральные регулирующие и надзорные органы. Что касается ЕС, то гармонизация финансового регулирования здесь началась только около 20 лет назад, а единая надзорная деятельность появится не раньше создания Европейского банковского союза. Тем не менее, трансграничная торговля финансовыми услугами выступает важным элементом ТТИП, поскольку касается раскрытия самого значимого потенциала трансатлантического проекта – финансового рынка.

Примечательно, что финансовый кризис существенно отразился на показателях относительного веса США и ЕС в глобальной экономике. Например, их совокупная доля в мировом ВВП снизилась с 56,6% в 2006 г. до 46% в 2013 г. а банковские активы в 2013 г. составляли около половины глобальных банковских активов, в то время как в 2006 г. одни только активы банковского сектора ЕС были больше половины их общемирового размера (табл. 1). Очевидно, что в ближайшем десятилетии эти тенденции сохранятся с учётом опережающего экономического роста стран Азии.

Следует подчеркнуть, что ЕС и США практикуют принципиально разные модели финансовых рынков: ЕС ориентирован в большей степени на банковский сектор, а США – на фондовый сектор финансового рынка. Совокупная рыночная капитализация фондового рынка в ЕС почти вдвое меньше, чем в США, в то время как европейские банковские активы более чем в 3 раза превосходят активы американских банков. В США только 19% долгосрочного внешнего финансирования осуществляется через банки, в то время как остальные 81% финансовых ресурсов поставляются через рынки капитала. Напротив, в крупных европейских экономиках доля банковского кредитования в

Таблица 1

**Динамика размера и доли ЕС и США на глобальных финансовых рынках,
2006–2013 гг., млрд. долл.**

		Весь мир	ЕС	%	США	%
ВВП	2006 г.	47 206	14 008	29,7	12 694	26,9
	2013 г.	75 471	17 968	23,8	16 779	22,2
Банковские активы	2006 г.	67 556	34 933	51,7	9 728	14,4
	2013 г.	126 744	48 716	38,4	15 920	12,6
Капитализация фондового рынка	2006 г.	50 887	12 913	25,4	18 520	36,4
	2013 г.	62 552	12 646	20,2	22 281	35,6
Рынок долговых обязательств	2006 г.	62 069	21 755	35,0	25 314	40,8
	2013 г.	97 289	29 964	30,8	34 494	35,5

[17, р. 2; 13, р. 11].

долгосрочных инвестициях составляет от 59% до 71% [20, р. 29]. Таким образом, рынки финансовых услуг в США более диверсифицированы и менее зависимы от банковского кредитования, что считается важнейшим фактором в периоды кризисов.

Одной из ключевых глобальных тенденций, вызванных финансовым кризисом, которая была особо ощутимой как в ЕС, так и в США, стало снижение трансграничных потоков капитала, в том числе кредитования, прямых иностранных инвестиций и покупки акций и облигаций. Наиболее значительным это снижение было в Великобритании, континентальной Европе и США, где финансовые потоки в 2012 г. сократились соответственно на 82%, 67% и 60% по сравнению с их докризисным пиком [17, р. 2]. В целом, эти потоки в 2013 г. оставались на 40% ниже их уровня в 2005 г. При этом в самой структуре глобальных финансовых потоков произошли значительные изменения: доля банковских кредитов и долговых инструментов сократилась с 69% в 2005 г. до 34% в 2013 г., в то время как доля прямых иностранных инвестиций увеличилась с 19% до 47% (табл. 2).

Согласно данным Бюро экономического анализа Министерства торговли США, дефицит торговли товарами США с ЕС в 2014 г. составил 143,5 млрд. долл. При этом США традиционно поддерживают положительное сальдо торговли услугами с ЕС, которое в период 2006–2014 гг. более чем утроилось: с 13,5 млрд. долл. до 50,6 млрд. долл. В 2014 г. США экспортировали в ЕС услуги на сумму 219,3 млрд. долл. (30,9% совокупного размера экспорта американских услуг в 2014 г.), импорт США услуг из ЕС составил 168,7 млрд. долл. (35,3% совокупного размера импорта услуг США в 2014 г.). На рисунке 1 показана динамика роста профицита баланса торговли услугами США с ЕС за последние годы. Значительная часть этого профицита получена в торговле с Великобританией (27,4% совокупного размера профицита торговли услугами США с ЕС в 2014 г.), на которую приходится большая доля экспорта американских финансовых услуг в ЕС.

Таким образом, размер профицита торговли услугами США с ЕС в 3 раза меньше размера дефицита торговли товарами США с ЕС, что указывает на

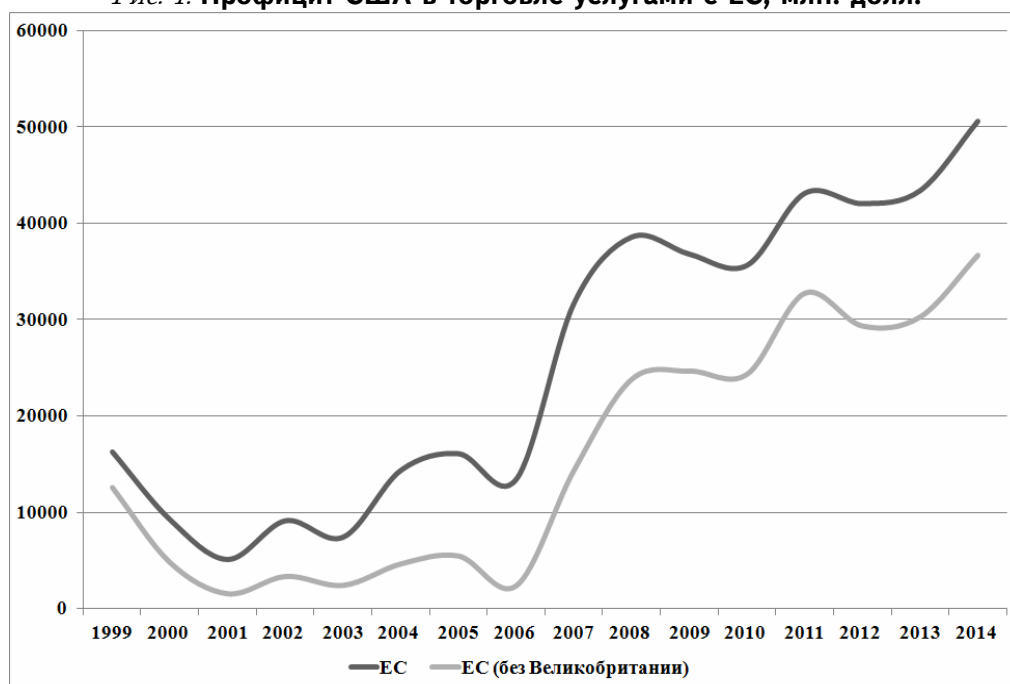
Таблица 2

Валовые глобальные потоки капитала, 1985–2013 гг., млрд. долл. и %

	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2013
Всего (млрд. долл.)	385	1031	1688	4244	7429	6150	4170
Прямые инвестиции	59	250	365	1503	1392	1740	1944
Портфельные инвестиции	19	16	130	756	929	719	803
Долговые инструменты и кредиты	307	765	1192	1985	5109	3691	1423
<i>Из них: международные резервы</i>	<i>14</i>	<i>90</i>	<i>190</i>	<i>178</i>	<i>632</i>	<i>1181</i>	<i>723</i>
Доли	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
Прямые инвестиции	15%	24%	22%	35%	19%	28%	47%
Портфельные инвестиции	5%	2%	8%	18%	13%	12%	19%
Долговые инструменты и кредиты	80%	74%	71%	47%	69%	60%	34%

[8, р. 319].

значительный потенциал роста трансатлантической торговли финансовыми услугами.

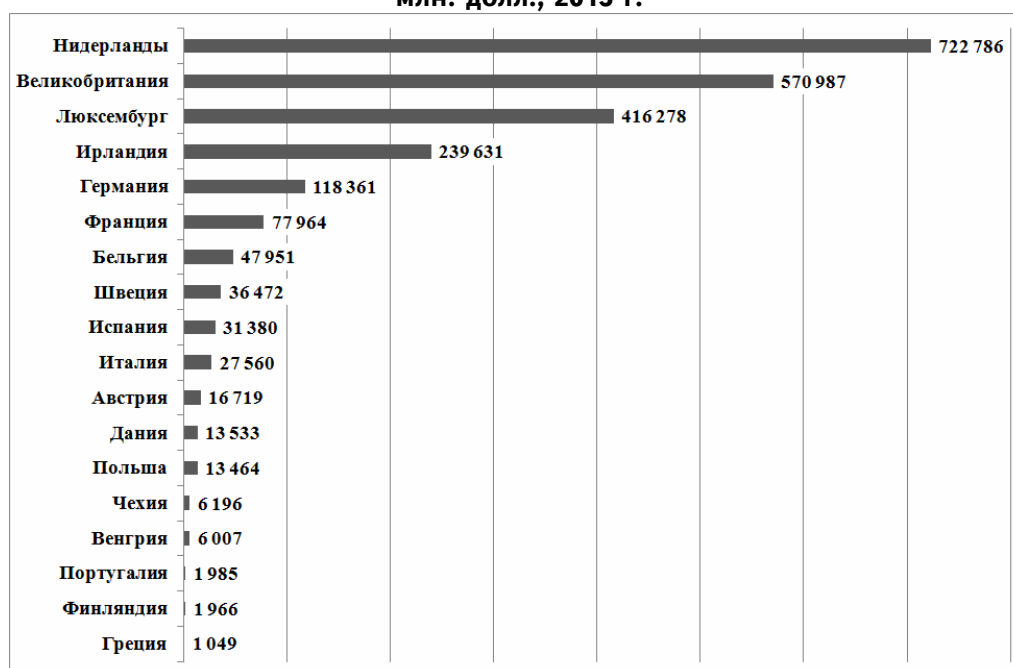
Рис. 1. Профицит США в торговле услугами с ЕС, млн. долл.

[16].

США также имеют с ЕС положительный баланс ПИИ. В ЕС размещено 50,6% общего объема американских инвестиций за рубежом (2,4 трлн. долл. в 2013 г.). Большая часть американских инвестиций в ЕС сконцентрирована в

пяти странах: Нидерландах, Великобритании, Люксембурге, Ирландии и Германии, на которые приходится 83% накопленного размера американских ПИИ в ЕС (рис. 2).

Рис. 2. Накопленный объём ПИИ США в некоторых странах ЕС, млн. долл., 2013 г.

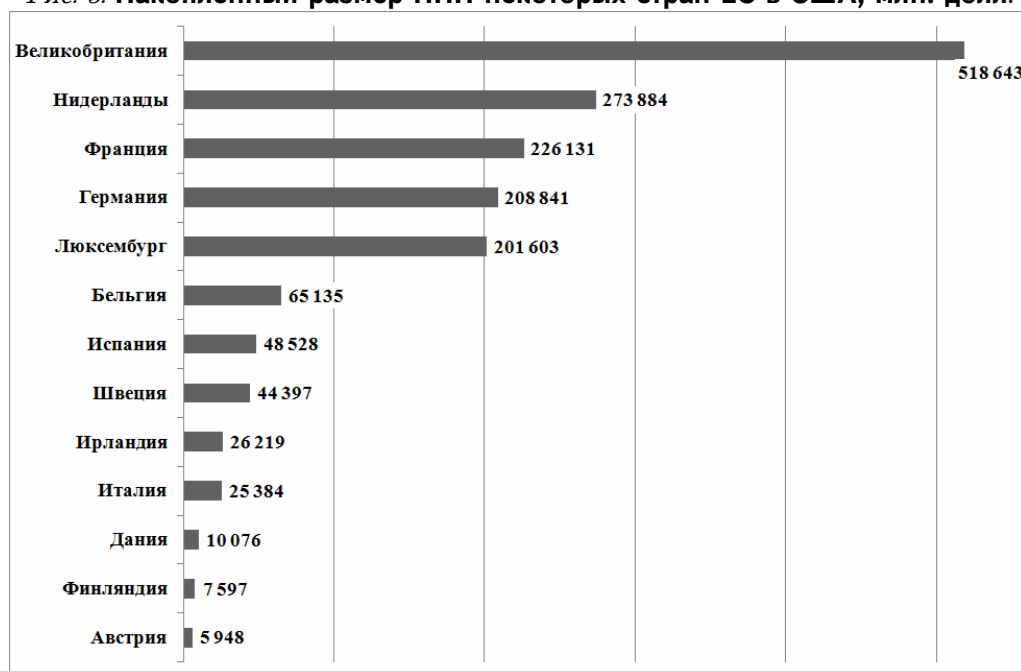

[16].

В свою очередь, в США сконцентрирована треть всех иностранных инвестиций ЕС (1,7 трлн. долл. в 2013 г.). Накопленный размер прямых иностранных инвестиций ЕС в США более чем в 2 раза превосходит этот показатель в Швейцарии – второй по объемам стране европейских инвестиций. Крупнейшими европейскими инвесторами в США выступают компании из Великобритании, Нидерландов, Франции, Германии и Люксембурга, на которые в 2013 г. приходилось 84,8% общего размера накопленных прямых иностранных инвестиций ЕС в США (рис. 3).

Учитывая значительные размеры финансовых рынков по обе стороны Атлантики и симметричный подход США и ЕС к имплементации новых стандартов регулирования финансовых рынков, рекомендованных в рамках саммитов «Группы 20», ТТИП создаёт возможности для разработки более глубоких рамочных условий для трансатлантического сотрудничества в финансовой сфере, что могло бы привести к существенной модернизации действующих моделей финансового посредничества на обоих континентах. Вместе с тем, многолетний опыт финансового регулирования и банковского надзора в США, более диверсифицированный американский финансовый сектор, роль доллара как ключевой резервной валюты, а также значительное присутствие американских финансовых институтов на европейских рынках представляют для Европы значительные конкурентные и суверенные риски в сфере трансатлантического

Рис. 3. Накопленный размер ПИИ некоторых стран ЕС в США, млн. долл.

[16].

партнёрства. Во время финансового кризиса Европейский центральный банк активно прибегал к «рефинансированию» со стороны ФРС США в рамках валютных свопов. Кроме того, для поддержания платёжеспособности своей периферии ЕС вступил в отношения с МВФ, который в вопросе обеспечения своих заёмщиков долларовой ликвидностью находится в зависимости от ФРС. С подписанием трансатлантического соглашения ЕС может окончательно утратить свой денежный и валютный суверенитет, а США получить право оспаривать в международных судах решения европейских денежных властей [2, с. 223].

В свою очередь, причина отказа США обсуждать вопрос либерализации рынков финансовых услуг в рамках ТТИП может заключаться в том, что США видят в ЕС опасного конкурента в сфере финансового посредничества, учитывая мощные позиции Лондона как глобального финансового центра и огромный потенциал объединённого банковского сектора ЕС, активы которого втрое превышают активы банков в США.

Значение ТТИП для России

Потенциальные экономические эффекты от заключения ТТИП неоднозначны. Европейская интеграционная модель уникальна и в определённом смысле выступает антиподом американской модели [3, с. 12]. Результаты проведённых в Европе и США исследований довольно противоречивы. Например, по оценкам лондонского Центра исследований экономической политики, всеобъемлющая и глубокая либерализация торговли будет иметь положительный, но незначительный эффект для прироста ВВП ЕС и США (0,5% ВВП) [12]. В то же самое время в исследовании, проведённом вашингтонским представи-

тельством германского Фонда Бертельсмана, отмечается наличие значительного потенциала ТТИП с точки зрения увеличения двустороннего трансатлантического торгового оборота и роста ВВП для отдельных членов ЕС, в первую очередь Германии и Великобритании [11]. Такой эффект будет достигаться вследствие радикального снижения объёмов внутрирегиональной европейской торговли, в особенности за счёт падения товарооборота между Германией и странами периферии ЕС, по предварительным оценкам, на 30%. Что касается воздействия ТТИП на третьи страны, то эксперты Фонда Бертельсмана видят его, среди прочего, в существенном снижении объёма торговли США и ЕС со странами БРИКС, а также в падении ВВП в ряде стран, имеющих значительные торговые связи с США или ЕС (таких как Канада и Россия).

Хотя общественное мнение едва ли когда-либо служило серьёзным препятствием для европейских политиков в осуществлении их амбициозных проектов, тем не менее, граждане Европы далеко не полностью разделяют планы установления более тесных торгово-экономических отношений с США. Европейцев беспокоит, что после полномасштабного прихода американского бизнеса в Европу существующие стандарты жизнеобеспечения будут в значительной степени нивелированы, особенно это может проявиться в снижении стандартов защиты окружающей среды, ухудшении качества продуктов питания, деградации европейской кинематографической индустрии и других сфер творческой деятельности. Кроме того, европейцы озабочены непрозрачностью проведения переговоров в рамках ТТИП, рисками чрезмерного влияния крупного бизнеса на правительства своих стран, что может привести к умалению значимости действующих социальных стандартов, возможностей малого и среднего бизнеса, а также ущемлению гражданских прав и свобод [22].

Какие угрозы и вызовы представляет новый торгово-инвестиционный блок, формирующийся под руководством США в Евро-Атлантическом регионе для России? Следует ещё раз подчеркнуть, что Россия не была официально приглашена к участию в ТТИП. И данное положение вещей можно скорее отнести к достоинствам, чем недостаткам. В чём они заключаются?

Во-первых, проект ТТИП, несмотря на всю его амбициозность, содержит в себе множество подводных камней. Прежде всего, это противоречия между крупными ТНК и малым и средним бизнесом, интересы которого могут быть ущемлены по мере того как ТНК будут стремиться занять максимально возможное количество ниш в либерализированной трансатлантической торговле [25, р. 5]. Европейские рынки традиционно функционируют под достаточно мощным государственным покровительством, и им будет сложно адаптироваться к англосаксонской предпринимательской культуре. При этом следует учитывать, что ТТИП затрагивает не только торговые, но и инвестиционные аспекты. Это означает, что ТНК смогут подавать судебные иски на правительства, которые попытаются ограничивать прибыли ТНК путём поддержания национальных экологических стандартов, защиты социальных прав трудящихся, налогового регулирования. Судебные иски будут рассматриваться в соответствии с международными правовыми нормами, так что возможности как национальных правительств, так и Европейской Комиссии по оказанию сопротивления давлению ТНК будут

ограничены. Маловероятно, что данное положение вещей будет способствовать взаимовыгодному сотрудничеству между ЕС и США.

Во-вторых, большую проблему для трансатлантического партнёрства представляет сохранение внутриблоковых валют США и ЕС – доллара и евро. Доллар угрожает вытеснением евро с мирового финансового рынка. В американских банковских кругах бытует мнение, что на западном рынке нет места двум сильным валютам одновременно [1, с. 87]. Кроме того, в условиях современного ведения валютных войн, партнёры по ТТИП смогут чаще проводить взаимные девальвации собственных валют для получения конкурентных преимуществ по мере упразднения в рамках трансатлантического партнёрства других регуляторных инструментов. Тем более что предпосылки для этого уже созданы. В 2015 г. США свернули программу количественного смягчения, которая начиналась в зоне евро. В результате курс евро относительно доллара снизился с 1,35 в июле 2014 г. до 1,12 в августе 2015 г. В ответ на это третьи страны также будут более активно использовать валютный курс национальных денежных единиц с целью повышения привлекательности своей продукции для трансатлантического рынка. Валютные войны могут привести к раскручиванию инфляционной спирали, что окончательно дестабилизирует и без того хрупкое финансовое положение стран ЕС, многие из которых до сих пор не вышли из финансового кризиса. С другой стороны, для предотвращения полного упадка американского доллара США могут прибегнуть к радикальным мерам вплоть до возврата к золотому стандарту [5, с. 12]. Помимо этого и ЕС, и США обладают избыточными финансовыми ресурсами, что в результате трансатлантической интеграции может привести к ещё большему понижению нормы прибыли объединённого финансового рынка. В свою очередь это спровоцирует активизацию спекулятивной и теневой банковской деятельности. Следовательно, выгоды от ТТИП могут быть полностью нивелированы повышением затрат на противодействие подобным побочным эффектам. В данной связи возрастают риски обращения сторонами ТТИП к экстраординарным мерам политики, прецеденты которых уже созданы как в ЕС (экспроприация вкладов в банках Кипра в 2013 г.), так и в США (Закон о налоговом соответствии иностранных счетов *Foreign Account Tax Compliance Act – FATCA*^{*}, начавший действовать с 1 января 2014 г.). Действие этих и подобных им дискриминационных мер может быть направлено против третьих стран и прежде всего России с учётом нынешней геополитической ситуации. Поэтому России необходимо заблаговременно озаботиться вопросом обеспечения безопасности своих капиталовложений в странах ТТИП вплоть до разработки планов по выводу финансовых ресурсов из стран ТТИП и установления более жёсткого контроля международного движения капитала.

^{*} Закон о налоговом соответствии иностранных счетов (принят в США в 2010 г.), нацелен на предотвращение уклонения от уплаты налогов американскими гражданами и резидентами, которые имеют счета в иностранных финансовых учреждениях (ИФУ). Согласно закону ИФУ обязаны информировать о таких счетах Налоговое управление США. В противном случае эти счета будут облагаться 30% штрафом. Тем самым закон призван затруднить для резидентов и граждан США размещение финансовых активов за пределами США, а также пополнять доходы федерального бюджета путём расширения налогооблагаемой базы на глобальные операции своих резидентов и их партнёров за счёт иностранных банков.

В-третьих, создание зоны свободной торговли с конкурентами, которые обладают технологическими или финансовыми преимуществами, всегда приводит к асимметричному распределению выгод в пользу последних. А именно такими конкурентами выступают сегодня США и ЕС по отношению к России. США и ЕС осуществляют в основном взаимный обмен товарами-аналогами в рамках внутриотраслевой специализации. В торговле между ЕС и США преобладают три основные группы товаров – машины и транспортное оборудование, продукция химической промышленности и прочие промышленные товары (в 2014 г. на эти три группы приходилось 73,6% импорта и 77,3% экспорта ЕС в торговле с США) [10]. Такой высокий уровень специализации предполагает жёсткую конкуренцию, к которой Россия на нынешнем этапе своего развития не готова. России пока рано полностью открывать свой рынок для стран, находящихся на более высоком уровне развития технологий. Наоборот, нам следует активно заниматься импортозамещением и восстановлением базовых отраслей своей промышленности. России необходима полномасштабная новая индустриализация, которая требует достаточно активного государственного вмешательства в процессы воспроизводства с задействованием всех классических инструментов промышленной политики*.

В-четвёртых, сомнительно, что взаимовыгодному сотрудничеству будут способствовать нынешние недружелюбные настроения, которые США и ЕС демонстрируют в отношении России, всячески распаляя в мире русофобию и поощряя антагонизм на постсоветском пространстве. Поэтому России не следует распылять свои усилия, а полностью сосредоточить их на собственном интеграционном проекте – Евразийском экономическом союзе. Как континентальная и наделённая богатыми сырьевыми ресурсами держава, Россия обладает неоспоримыми преимуществами для формирования устойчивых торгово-инвестиционных связей в рамках евразийского экономического пространства. Торговые преимущества России заключаются, прежде всего, в том, что её основные географические соседи – ЕС и Китай – являются чистыми импортёрами ресурсов. Одновременно России следует более активно работать над развитием собственного финансового сектора и продолжать осуществлять поддержку инициатив, направленных на формирование институтов, представляющих собой альтернативу международным финансовым и торговым организациям, фактически находящимся под контролем США.

* * *

Таким образом, ТТИП – это не просто торговое соглашение. Речь идёт о создании стратегического динамичного и целостного евроатлантического альянса, который призван сохранить лидерство США и ЕС в мире и укрепить международный экономический и политический порядок, основанный на открытых рынках и поддержании правил игры (*open, rules-based international*

* К таким инструментам, в частности, относятся: защита и поддержка сфер деятельности с возрастающей отдачей, диверсификация обрабатывающей промышленности, освобождение целевых видов деятельности от налогов и предоставление им дешёвых кредитов и субсидий, мощная поддержка сельского хозяйства, введение налога или дифференцированного запрета на экспорт сырья, чтобы странам-конкурентам сырьё доставалось по более высоким ценам.

order)*. При этом имеется в виду укрепление западных норм и стандартов (ценностей так называемых либеральных демократических экономик) и подключение к ним всего остального мира (недопущение китаецентристского евразийского или какого-либо другого порядка). Создавая стратегический евроатлантический альянс, США намерены убедить ЕС в том, что их «возвращение в Азию» в рамках Транстихоокеанского партнёрства не означает уход из Европы [14, р. 5]. Кроме того, этим соглашением США хотят засвидетельствовать свою поддержку новым демократиям постсоветского пространства и не допустить их участия в интеграционных проектах Евразийского экономического союза под эгидой России.

С учётом территориальных, сырьевых, экологических преимуществ, а также выгодного географического расположения в самом центре Евразии, Россия имеет все предпосылки для достойного противостояния межконтинентальным вызовам США. Успешная реализация проекта Евразийского экономического союза повысит привлекательность России как для Европы, так и для Азии. Помимо прочего этому должно также поспособствовать наличие значительного числа точек соприкосновения в евразийской цивилизационной матрице с европейской и особенно с азиатской системами ценностей, расширению и развитию которых необходимо придать целенаправленный характер.

Список литературы

1. *Иришев Б.К.* Кризис евро и глобальные риски. Москва: Весь мир, 2014. 464 с. [*Irishev B.K.* Crisis of Euro and Global Risks. Moscow, The Whole World, 2014, 464 p.].
2. *Катасонов В.Ю.* Кризис денежной цивилизации. Что ожидать человечеству в будущем? Москва: Книжный мир, 2015. 352 с. [*Katasonov V.Yu.* Crisis of Monetary Civilization. What Mankind Should Expect in Future? Moscow, The World of Books, 2015, 352 p.].
3. *Лебедева Л.Ф., Фейгин Г.Ф.* Факторы и условия трансатлантической интеграции // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 5. С. 7–16 [*Lebedeva L.F., Feygin G.F.* Transatlantic Integration: Factors and Conditions // USA ♦ Canada Journal. 2015, No. 5. P.7-16.].
4. *Панюжева М.М.* Трансатлантическое партнёрство по торговле и инвестициям: позиции Конгресса США // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 54–72 [*Panyuzheva M.M.* Transatlantic Trade and Investment Partnership: The U.S. Congress Attitudes. // USA ♦ Canada Journal. 2015, No.6. P. 54-72.].
5. *Рикардс Д.* Валютные войны. Пер. с англ. Е. Тортуновой. Москва: Эксмо, 2015. 368 с. [*Rickards J.* Currency Wars: The Making of the Next Global Crisis. Moscow: Eksmo, 2015. 368 p.].

* Эти правила, способствующие глобальной экспансии ТНК, включают: беспрепятственный доступ к рынкам, свободное движение товаров, капиталов и услуг, открытые инвестиционные режимы, недискриминационный подход, верховенство закона, защиту прав интеллектуальной собственности, плавающие валютные курсы, гармонизацию регулирования, приоритетное развитие частного сектора, эффективные механизмы урегулирования инвестиционных споров и правило справедливой конкуренции.

6. *Barker T., Collett A., Workmann G.* TTIP and the Fifty States: Jobs and Growth from Coast to Coast. Bertelsmann Foundation/The Atlantic Council Washington, September 2013. 75 p.
http://www.bfna.org/sites/default/files/TTIP%20and%20the%2050%20States_WEB.pdf.
7. Consolidated CETA text. European Commission, 26.09.2014. 1634 p.
http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2014/september/tradoc_152806.pdf.
8. Economic Report of the President. The White House. Washington, February 2015. 414 p.
9. EU – US Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): Cooperation on Financial Services Regulation. European Commission, 27.01.2014.
http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2014/january/tradoc_152101.pdf.
10. European Union, Trade in Goods with USA. European Commission, 10.04.2015.
http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113465.pdf.
11. *Felbermayr G., Heid B., Lehwald S.* Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP). Who Benefits from a Free Trade Deal? Bertelsmann Foundation, 2013. 52 p.
<http://www.bfna.org/sites/default/files/TTIP-GED%20study%2017June%202013.pdf>.
12. *Francois J. et al.* Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment. An Economic Assessment. Centre for Economic Policy Research. London, 2013. 124 p.
http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/march/tradoc_150737.pdf.
13. Global Financial Stability Report – April 2015: Statistical Appendix. IMF. 2015. 26 p.
14. *Hamilton D., Blockmans S.* The Geostrategic Implications of TTIP. Paper No. 5 in the CEPS-CTR project «TTIP in the Balance» and CEPS Report No 105. Centre for European Policy Studies. Brussels, April 2015. 16 p.
<http://transatlanticrelations.org/sites/default/files/SR105%20Geopolitics%20of%20TTIP%20Hamilton%20and%20Blockmans.pdf>.
15. *Heuser A.* B|Brief: Making TTIP a 21st-Century Agreement. Bertelsmann Foundation, 21. 04. 2015.
[http://www.bfna.org/sites/default/files/publications/BBrief%20TTIP%2021st%20Century%20\(21April15\).pdf](http://www.bfna.org/sites/default/files/publications/BBrief%20TTIP%2021st%20Century%20(21April15).pdf).
16. International Economic Accounts. Bureau of Economic Analysis of U.S. Department of Commerce, 2015. <http://www.bea.gov/international/>.
17. *Lannoo K.* Financial Services and Transatlantic Trade and Investment Partnership. CEPS Policy Brief No. 302. Centre for European Policy Studies. Brussels, November 2013. 9 p.
<http://www.ceps.eu/system/files/PB%20No%20302%20Financial%20Services%20and%20TTIP.pdf>.
18. Leader's Declaration G7 Summit, 7–8.06.2015. G7Germany.
https://www.g7germany.de/Content/EN/_Anlagen/G7/2015-06-08-g7-abschluss-eng_en.pdf?__blob=publicationFile&v=3.
19. *Lejuor A., Mustilli F., Pelkmans J., Timini J.* Economic Incentives for Indirect TTIP Spillovers. CEPS Special Report No. 94. Centre for European Policy Studies. Brussels, October 2014. 20 p.
<http://www.ceps.eu/system/files/No%2094%20TTIP%20Spillovers.pdf>.
20. Long-term Finance and Economic Growth. Report of the Working Group on Long-term Finance. Group of Thirty (G30), 2013. 75 p.
http://www.group30.org/images/PDF/Long-term_Finance_hi-res.pdf.
21. *Sutton K.* B|Brief TTIP Negotiations: A Summary of Round 10. Bertelsmann Foundation, 30.07.2015.

http://www.bfna.org/sites/default/files/publications/BBrief_TTIP_Negotiations_A_Summary_of_Round_10.pdf.

22. The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): The top 10 Myths About TTIP. Separating Fact from Fiction. European Union, 2015. http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/march/tradoc_153266.pdf.

23. The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP): TTIP Explained. European Commission. 19.03. 2015. http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2014/may/tradoc_152462.pdf.

24. *Wethington O., Manning R.A.* Shaping the Asia-Pacific Future: Strengthening the Institutional Architecture for an Open, Rules-based Economic Order. The Atlantic Council. Washington, 20.06.2015. 40 p. http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Shaping_AP_Future_Digital.pdf.

25. *Workman G.* The Transatlantic Trade and Investment Partnership: Big Opportunities for Small Business. The Atlantic Council. Washington, November 2014. 21 p. http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/TTIP_SME_Report.pdf.

26. World Investment Report 2015: Reforming International Investment Governance. UNCTAD. Geneva, 2015. 253 p.

Transatlantic Partnership and Russia's Security

(USA ❖ Canada Journal 2016, No 3, p. 19-34.)

Received 25.08.2015.

ZVONOVA Elena Anatolievna, Financial University Under the Government of Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, GSP-3 Russia (mirfin@fa.ru).

KUZNETSOV Aleksey Vladimirovich, Financial University Under the Government of Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, GSP-3 Russia (kuznetsov0572@mail.ru).

Acknowledgment: this publication was prepared within the framework supported by the Russian Humanitarian Science Foundation, research project №15-02-00669.

*The article deals with analysis of the main reasons for U.S. involvement in the transatlantic integration. It considers the potential opportunities and risks of liberalization of Euro-Atlantic cooperation, particularly in the financial services industry. It is concluded that for Russia it is reasonable to stay outside the transatlantic free trade area. **Keywords:** liberalization, global institutions, crisis of the WTO, multiregional trade agreements, a new world order, cooperation in the field of financial services, the risks of the transatlantic integration, economic war, the Eurasian Economic Union.*

About the authors:

ZVONOVA Elena Anatolievna, Doctor sci. (Econ.), Chair of Global Finance, Head; KUZNETSOV Aleksey Vladimirovich, Doctor sci. (Econ.), Chair of Global Finance, Full Professor.